

ЛОЗУНГ КАК «ДИСКУРСИВНАЯ ФОРМУЛА»: УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРЬИРОВАНИЕ

Ю. Р. Лемешко

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Иркутск, Россия

На объемном фактическом материале осуществляется сопоставление российских лозунгов разных исторических периодов XX—XXI вв. Выделяются следующие хронологические периоды: 1917—1941, 1941—1945, 1945—1985, 1985—1991, 1991—2010, 2010—2019 гг. Выявляются тенденции использования лозунгов, их универсальные модели и конструктивные вариации.

Ключевые слова: лозунг, коммуникация, модель высказывания, конструкция, лозунговый универсум.

Введение

Попытка рассмотреть лозунг с точки зрения его структурной организации была предпринята в работе Ю. И. Левина «Семиотика советских лозунгов». Автор характеризует лозунг как *клише*, представляющее собой стандартную форму — «высказывательную рамку» — с незаполненными позициями (переменными) [8. С. 546]. Под *рамкой* понимается «постоянная часть, определяющая, в частности, синтаксическую структуру лозунга; в составе переменной части выделяется «обязательное ядро и факультативная периферия». Например, в лозунге «*Да здравствует коммунизм — светлое будущее человечества*»: «*да здравствует X*» — рамка, X = «*коммунизм*» — ядро, прочее — периферия» [Там же].

Воспроизводимость лозунгов, стабильность их лексического состава и грамматической организации позволила ряду исследователей трактовать эти высказывания как *устойчивые словесные комплексы* и рассматривать их в одном ряду с фразеологическими единицами в их широком понимании (см., напр.: [4]).

Авторы словаря, как и Ю. И. Левин, демонстрируют, что многие лозунги сохраняются от эпохи к эпохе в неизменном виде либо могут претерпевать незначительные трансформации. Эти трансформации реализуются «в виде инверсивных конструкций (ср.: *Дорогу — молодым!* и *Молодым — дорогу!*), усечений (ср.: *Мы едины!* и *Пока мы едины, мы непобедимы*), в виде лексико-синтаксических преобразований (ср.: *КПРФ — курс на народовластие!* и *Наш курс — труд, народовластие, социализм!*).

Таким образом, с одной стороны, «политические лозунги (УСК) [устойчивые словесные комплексы. — Ю. Л.] допускают трансформации (иногда

значительные), что позволяет им функционировать как прецедентные феномены, но, с другой стороны, они сохраняют узнаваемость, вероятно, за счет относительной устойчивости морфологического и синтаксического строения, воспроизводимости в определенном лексико-грамматическом составе, за счет комплекса таких свойств, как синтаксическая членимость и смысловая цельность» [5. С. 149].

Как представляется, устойчивость, клишированность лозунговых высказываний обусловливается их интенциональной природой, которая состоит в том, чтобы оказывать влияние на массовое сознание, формулировать определенные мнения, установки, стереотипы, вырабатывать линию поведения и т. п. Именно в силу своих иллокутивных свойств лозунг как жанр сохраняет актуальность в разные исторические периоды существования государства.

Существуют ли какие-либо значимые корреляции между типами лозунгов и социально-историческим фоном эпохи? Какие структурно-семантические разновидности лозунгов являются универсальными, какие используются избирательно? От чего это зависит?

В данной статье предложена попытка найти ответы на эти и подобные вопросы. Лозунговый корпус XX—XXI вв. рассматривается здесь с учетом времени функционирования отдельных выражений — в сопоставительном аспекте.

1. Лозунги

в свете хронологического описания

Предварительный анализ показал, что некоторые модели лозунгов стабильно реализуются во все исторические периоды развития государства, другие модели закреплены за определенными хронологическими рамками.

Чтобы осмыслить такую избирательность, следовало выделить те хронологические отрезки, которые подлежат сопоставлению. Эта задача осуществляется с учетом классификации А. А. Ворожбитовой, которая вычленяет, во-первых, этапные языковые периоды в функционировании советского дискурса: *период Октябрьского переворота и Гражданской войны и период Великой Отечественной войны*.

Мы считаем возможным рассматривать языковую ситуацию 1917—1941 гг. как единый период, поскольку в эти годы в истории России происходит острая политическая борьба, в ходе которой решается вопрос об альтернативах развития страны, что естественным образом находит свое отражение в лозунговой коммуникации. Так, в период Октябрьского переворота и Гражданской войны «происходит раскол национального русского макродискурса на советский, исподволь вызревший в его лоне, и альтернативный антисоветский, аккумулятивировавший нигилистически отвергнутые духовные ценности» [3. С. 22]. В предвоенные и военные годы наблюдается что-то вроде поляризации в политическом дискурсе: советский и нацистский.

Далее выделяется период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., в котором доминируют языковые структуры, способные активизировать массы на беспощадную борьбу с врагом, «когда советский дискурс, мобилизовав все резервы, выстоял в смертельной схватке и широко распространился в мире» [Там же].

Следующий период охватывает достаточно большой промежуток времени (1945—1985) — от окончания войны и до перестройки. Языковая ситуация этого времени отражает политическую установку на восстановление страны во всех сферах жизнедеятельности, интеграцию со всем миром и процветание.

Далее следует выделить периоды перестройки (1985—1991) и постперестройки (1991—2010).

Перестройка, по мнению Н. А. Купиной, «маркирует начало конца тоталитарного языка советской эпохи» [6]. Разрушаются тоталитарный режим и командная экономика, происходят изменения в политической системе, и на практике начинают реализовываться демократические принципы.

С распадом Советского Союза в 1991 г. завершается не только перестройка, но и коренным образом меняется ситуация в мире. «В России, правопреемнице СССР, новые отношения тесно переплелись со старым укладом жизни, наложив отпечаток своеобразия на характер ее социаль-

но-экономического и политического развития. Современный этап модернизации может быть назван переходным... Исконно почитаемый российскими политиками слепой метод “проб и ошибок” в деле определения оптимального экономического направления развития государства, примененный в начале 90-х годов, прошелся своей тяжелой поступью по стране и поставил ее перед вызовом, похожим на вызов большой войны, только растянутым во времени на 20 лет» [9. С. 49].

В лингвистическом отношении данные периоды характеризуются все большей частотностью номинализованных конструкций, генитивных цепей, исчезновением агенса, что еще ранее отмечалось Патриком Серию в книге «Анализ советского политического дискурса» (см. [1]).

Выделенные хронологические этапы рассматриваются в сопоставлении с современным периодом 2010—2019 гг. Основные результаты исследования обобщены в таблице (см. с. 92—93).

2. Структурно-семантические особенности моделей лозунга: устойчивость и варьирование

Прокомментируем далее некоторые выразительные позиции.

Лозунги, использующие императив адресата, характеризуются стабильной частотностью во все выделенные периоды, ср.:

1917—1941: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

1941—1945: *Вступайте в ряды народного ополчения!*

1945—1985: *Молодежь! Настойчиво овладевай знаниями!*

1985—1991: *Коммунисты, отдайте власть народу!*

1991—2009: *Посмотри правде в глаза!*

2010—2019: *Дайте народу честные выборы.*

Иначе обстоит дело с высказываниями, в которых императив адресата осложнен частицей *НЕ*, употребление таких высказываний в период Великой Отечественной войны практически равно нулю:

1917—1941: *Матери, не подкидывайте детей! Не бей ребенка!*

1941—1945: отсутствует.

1945—1985: *Не теряй рабочих минут; Не засоряйте лес! Не балуй!*

1985—1991: *Не отделяйте нас границей от родных!*

1991—2009: *Не допусти красной смуты!*

Сравнительная таблица высказываний, %

Модель высказывания	1917—1941	1941—1945	1945—1985	1985—1991	1991—2010	2010—2018
Императив 2-го лица	12,50	23,9	23,9	6,10	7,40	16,00
В том числе: <i>ne</i> + императив 2-го лица	1,02	—*	1,02	3,80	2,20	2,05
с формами глагола <i>быть</i> 2 л. ед. ч. и мн. ч.	1,70	3,20	0,86	0,86	1,14	0,72
с формами глагола <i>давать</i> 2 л. ед. ч.	—	—	—	0,50	1,14	0,38
В том числе с формой <i>даешь</i>	0,50	—	1,70	1,60	0,74	1,80
Императив совместного действия	13,80	12,06	3,40	3,80	5,90	4,50
В том числе: <i>ne</i> + императив совместного действия	0,25	0,50	—	1,10	—	0,60
В том числе: с формами глагола <i>быть</i> 1 л. мн. ч	—	—	—	—	—	0,50
В том числе с формой <i>требуем</i>	—	—	—	2,70	2,20	1,90
Императив 3-го лица	0,12	1,02	1,29	0,50	—	0,38
В том числе с формой <i>хватит</i>	0,25	—	—	2,20	0,74	2,70
<i>Специальные синтаксические конструкции</i>						
Inf	1,27	4,20	3,46	4,39	2,96	2,38
Инфинитивные конструкции	0,25	0,46	—	—	0,69	0,27
<i>Nl – Vf</i> (настоящее время 1 л. ед. и мн. ч.)	0,25	2,34	1,29	2,19	4,80	2,80
В том числе:	4,60	2,34	2,15	0,54	2,79	2,05
<i>N_I – Vf</i> (настоящее время 3 л. ед. ч.)	2,30	3,70	1,70	1,64	2,09	4,27
В том числе:	2,57	4,69	1,29	2,19	3,49	1,16
<i>N_I – Vf</i> (будущее время)	—	2,81	—	—	0,69	0,16
<i>N_I – Vf</i> (<i>ne</i> + будущее время)	1,02	5,63	1,29	0,54	0,69	0,22
В том числе с формой перформатива	1,54	1,87	—	3,84	2,79	1,27
В том числе в форме вопросительного предложения	<i>Подлежащие-сказуемые схемы с координируемыми компонентами</i>					
<i>N_I – N_I</i>	5,60	3,28	11,2	10,9	6,29	8,20
<i>N_I – Adj I кратк</i>	0,77	4,20	2,70	1,09	—	—
<i>Подлежащие-сказуемые схемы с неkoordinируемыми компонентами</i>						
<i>N3 – N4</i>	2,30	0,90	14,20	3,29	1,39	2,20
<i>N4 – N3</i>	1,79	—	1,29	1,64	1,39	0,94
<i>Nl</i>	1,02	—	1,72	2,70	3,49	0,38
<i>Hu N2</i>	1,02	0,93	1,72	—	—	0,22

Продолжение таблицы

Модель высказывания	1917—1941	1941—1945	1945—1985	1985—1991	1991—2010	2010—2018
<i>Специальные лексико-синтаксические конструкции</i>						
В том числе с формами:						
<i>Смерть</i> + N3	2,30	5,16	—	—	0,69	0,44
<i>Свободу</i> + N3	1,02	—	0,86	0,54	0,69	1,38
<i>Долой</i> + N4	3,59	0,46	0,43	6,59	6,29	3,60
<i>Вон</i> + N4	—	—	0,43	1,09	—	1,00
<i>Прочь</i> + N4	0,51	—	0,43	2,74	1,39	0,83
<i>Да</i> + N3	—	—	—	0,54	2,79	0,33
<i>Нет</i> + N3	—	—	0,36	0,72	1,29	4,16
<i>Нет</i> – N3. <i>Да</i> – N3	—	—	—	0,54	0,69	0,83
В том числе <i>Adv</i> + N4	2,57	2,34	1,29	0,69	—	—
<i>Конструкции-здравитцы</i>						
<i>Да здравствует</i>	9,76	1,87	3,40	3,29	0,69	0,66
<i>Слава</i>	1,28	5,16	3,40	—	—	0,61
<i>Конструкции с предложениями</i>						
<i>N4 + B + N4</i>	2,57	1,4	3,00	2,19	4,19	2,10
<i>N4 + Ha + N4</i>	5,14	5,63	4,30	1,64	4,89	1,50
<i>K + N3</i>	2,05	2,34	1,70	2,19	1,39	1,16
<i>N4 + под + N4</i>	1,28	—	—	1,64	2,09	1,44
<i>За</i> + N4	3,80	1,87	4,30	1,09	1,39	4,30
В том числе:	—	—	0,43	1,09	1,39	1,05
<i>Мы за</i> + N4	—	—	—	—	—	—
В том числе:	—	—	—	2,74	0,69	1,44
<i>N13 лицо</i> + <i>За</i> + N4	—	—	—	—	—	—
<i>N1</i> + <i>для</i> + N2	—	0,93	—	0,54	0,69	1,16
<i>От ... к</i>	0,25	—	1,72	—	—	0,38
<i>C</i> + N5	—	0,46	0,43	0,12	2,09	1,27
<i>N1</i> + <i>без</i> + N2	—	—	—	0,54	0,69	1,66
<i>Против</i> + N2	0,25	—	—	—	—	1,33
<i>Мы против</i> + N2	—	—	—	—	—	—
<i>N13 лицо</i> + <i>против</i> + N2	—	—	—	—	—	0,72

* Примечание: прочерком обозначены позиции, которые отсутствуют в корпусе языкового материала рассматриваемого периода.

2010—2019: *Не дай украсть свой голос! Не жди перемен!*

Как видно, для периода Великой Отечественной войны такая конструкция оказалась неактуальной. Думается, это обусловлено идеологическим содержанием эпохи, единственная цель которой состояла в необходимости выжить и победить врага. Именно поэтому побуждения к *неосуществлению* действия являются не востребуемыми; напротив, «позитивные побуждения» с явно выраженной адресацией являются широко распространенными: *Бейтесь до смерти! Изучайте боевые действия на лыжах! Крепите боевую мощь СССР! Соревнуйтесь на лучшую помощь фронту! Ребята, защищайте Родину! Помогай Красной Армии вылавливать шпионов и диверсантов! Красноармейцы! Будь достоин богатырской славы твоего народа! Балтиец! Будь беспощаден в бою, уничтожай немецко-финских злодеев! Коммунисты и комсомольцы! Будьте в первых рядах борцов против немецко-фашистских кровавых собак!*

Интересная тенденция обнаруживается в функционировании модели *N4 — N3* (*Мир — народам; Вся власть Советам!*). В целом она характеризуется устойчивой частотностью, однако для двух хронологических периодов тенденции ее использования различаются полярно. Наиболее употребительна эта конструкция в период революции, наименее — в период Великой Отечественной войны. Как кажется, это связано со структурно-семантической природой конструкции.

Семантические роли распределяются здесь следующим образом: имя в винительном падеже называет желаемый или требуемый объект, имя в дательном падеже — бенефицианта, то есть субъекта пользы (реже — вреда). Термином *бенефициант* обозначает актанта, одушевленное существо, выступающее в функции получателя, в том числе выгодополучателя, или вообще того, в пользу или в ущерб кому совершается действие [2. С. 52].

Иными словами, семантическая роль бенефицианта — это роль участника ситуации, которого она «затрагивает, на котором она так или иначе отражается. Это может быть «получатель» пользы, блага, содействия (Бенефактив) или вреда, помех, противодействия (Малефактив)» [7].

Соответственно, модель *N4 — N3* является идеальной грамматической упаковкой для выражения идеи обещания кому-либо чего-либо. Именно поэтому данная модель оказывается востребованной в период революции, когда некоторый Агенса (в данной ситуации — вожди революции, которые

пришли к власти) начинает что-то обещать тем слоям населения, которые ничего не имели. Это перекликается с ситуацией перестройки и с современной ситуацией, когда те, кто находится у власти или только хочет прийти к власти, что-то обещают электорату.

В период 1941—1945 гг. ситуация мыслится исключительно в категориях долженствования: долга перед Родиной, народом, семьей, а потому модальность обещания оказывается неуместной.

В советском дискурсе продуктивными в качестве лозунга являлись высказывания, построенные по схеме *Adv + N4*, ср.:

1917—1941: *Выше знамя пролетарского интернационализма!*

1941—1945: *Больше помощи фронту! Сильнее удар по врагу!*

1945—1985: *Больше демократии, больше социализма!*

1985—1991: *отсутствует.*

1991—2009: *отсутствует.*

2010—2019: *отсутствует.*

В периоды 1985—1991, 1991—2009 и 2010—2019 гг. употребление данного типа высказывания практически равно нулю. В составе данной модели употребляется форма компаратива, обозначающая выражение значения проявления признака в большей степени. Можно предположить, что исчезновение столь продуктивной модели высказывания связано с рядом экстралингвистических обстоятельств. В годы становления и существования советской власти проходили в постоянной упорной борьбе: в 1917—1941 гг. с врагами революции; в 1941—1945 гг. с фашистскими захватчиками; в 1945—1985 гг. — восстановление народного хозяйства, а также возобновление прерванных войной пятилеток. Данные экстралингвистические ситуации находят свое отражение и в языке. Чтобы победить врага, необходимо быть на порядок сильнее, выше, крепче и т. д.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что существуют определенные тенденции в использовании тех или иных структурно-семантических моделей лозунгов в отдельные исторические периоды, причем избирательность этих моделей определяется в первую очередь их конструктивными и семантическими особенностями.

Другие факторы, обуславливающие специфику отбора лозунгов, связаны с экстралингвистическими обстоятельствами.

Первое — это характер информационных ресурсов, которыми располагает общество в ту или иную эпоху.

В настоящее время благодаря интенсивному развитию информационно-коммуникационных технологий и глобального информационного пространства, распространению сети Интернет существует широкий спектр средств управления массовым сознанием. В годы советской власти информационно-просветительские возможности были ограничены, и лозунг являлся первейшим действенным инструментом политической пропаганды и агитации. Многократно повторенные, лозунги становятся в некотором роде идеологическими клише: «Чем чаще по-

вторяются, тем больше оседают в подсознании масс» [10. С. 6].

Второе значимое обстоятельство — это изменение отношений, предполагаемых рамками «гражданин — политические институты». Долгое время эти отношения были однонаправленными: в самом широком смысле содержание лозунга направлялось от государства гражданам. В последние десятилетия эта ситуация изменилась (многочисленные протестные акции, марши и т. п.), что не могло не повлечь за собой изменений в характере избираемых лозунговых структур. Анализ влияния названных факторов на использование определенных моделей лозунговых высказываний является задачей дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Seriot, P. Analyse du discours politique soviétique / P. Seriot // Cultures et Societes de l'Est. 2. — Paris : Institut d'etudes slaves, 1985.
2. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 204 с.
3. Ворожбитова, А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация / А. А. Ворожбитова // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2: Язык и социальная среда. — Воронеж, 2000. — С. 21—42.
4. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / рус. часть: С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова [и др.] ; нем. часть: Х. Вальтер, О. В. Михина ; под ред. С. Г. Шулежковой, А. А. Осиповой. — Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати ; Greifswald : Ernst-Moritz Univ., 2016. — 300 с.
5. Дзюба, Е. В. Российские и немецкие политические лозунги как объект семантического, лексикографического и лингвопрагматического описания (рецензия на публикацию «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии») / Е. В. Дзюба, З. М. Дударева, И. М. Никулина // Политическая лингвистика. — 2017. — № 3. — С. 146—151.
6. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург ; Пермь, 1995. — 143 с.
7. Кустова, Г. И. Дательный падеж [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. — М., 2012. — URL: <http://rusgram.ru>.
8. Левин, Ю. И. Семиотика советских лозунгов / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. — М., 1998. — С. 542—558.
9. Скворцова, Е. М. Проблемы модернизации России: опыт историко-экономического анализа / Е. М. Скворцова // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. — 2014. — № 4 (16). — С. 42—51.
10. Хевеши, М. А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода / М. А. Хевеши. — 2-е изд., доп. — М., 2004.

Сведения об авторе

Лемешко Юлия Римовна — старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия. Иркутск, Россия. lelia-2004@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 90—96.

SLOGANS AS DISCOURSE FORMULAE: STABILITY AND VARIATION

Yu.R. Lemeshko

East-Siberian Branch of Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia. lelia-2004@rambler.ru

The given article is a continuation of a series of publications, devoted to the research of slogan. We search into the Russian slogans matching different historical periods of the 20th-21st centuries on the basis of large material accumulated and analyzed. We have picked out the chronological periods of 1917-1941, 1941-1945, 1945-1985, 1985-1991, 1991-2010, 2010-2019 for our analysis, spanning through significant and integral in kind episodes in the life of the country. Some explanatory comments on the reasons for picking out the given chronological periods are adduced. Models of the slogan are specified and examined according to their structure. Comments are given on the use models of slogans referring to definite periods. Quantitative and qualitative characteristics of the slogan models are adduced. It is shown that there are some tendencies in using certain structural and semantic models of the slogan in different historical periods.

Keywords: *slogan, communication, discourse formula, utterance model, construction, slogan universum.*

References

1. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique [Analysis of Soviet political discourse]. *Cultures et Sociétés de l'Est. 2* [Eastern Cultures and societies. 2]. Paris, Institut d'études slaves, 1985. (In French).
2. Bogdanov V.V. *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [Sentence semantic and syntactic organization]. Leningrad, Leningrad University, 1977. 204 p. (In Russ.).
3. Vorozhitova A.A. Ofitsial'ny sovetskiy yazyk perioda Velikoy Otechestvennoy Voyny: lingvoretoricheskaya interpretatsiya [The official Soviet language of the Great Patriotic War period: linguistic-rhetoric interpretation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vyp. 2: Iazyk i sotsial'naya sreda* [Theoretical and Applied linguistics. Iss. 2: Language and social environment]. Voronezh, 2000. Pp. 21-42. (In Russ.).
4. *Daite miru shans! Slovar' sovremennykh politicheskikh losungov Rossii i Germanii* [Give the world a chance! Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany]. Russian part: S.G. Shulezhkova, A.A. Osipova et al.; German part: Ch. Valter, O.V. Mikhina; Shulezhkova S.G., Osipova A.A. (eds.). Magnitogorsk, Magnitogorsk House press; Greifswald, Ernst-Moritz Univ., 2016. 300 p. (In Russ.).
5. Dzyuba E.V., Dudareva Z.M., Nikulina I.M. Rossiyskiye i nemetskiye politicheskiye losungi kak object semanticheskogo, leksikograficheskogo i lingvopragmaticheskogo opisaniya (retsensiya na rabotu Daite miru shans) [Russian and German slogans as the object of semantic, lexicographical and linguistic-pragmatic description (review on the work "Give peace a chance! Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany")]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 3, pp. 146-151. (In Russ.).
6. Kupina N.A. *Totalitarniy yazyk: slovar' i recheviye reaktsii* [Totalitarian language: Dictionary and speech reaction]. Ekaterinburg; Perm, 1995. 143 p. (In Russ.).
7. Kustova G.I. Datel'niy padezh [Dative case]. *Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoy grammatiki* [Materials for corpus description project of Russian grammar]. Moscow, 2012. Available at: <http://rusgram.ru> (In Russ.).
8. Levin Yu.I. Semiotika sovetskikh losungov [The Soviet slogans' semiotics]. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, 1998. Pp. 542-558. (In Russ.).
9. Skvortsova Ye.M. Problem modernizatsii Rossii: opyt istoriko-economicheskogo analiza [The problems of modernization of Russia: the experience of history and economy analysis]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of Financial University], 2014, no. 4 (16), pp. 42-51. (In Russ.).
10. Kheveshi M.A. *Tolkoviy slovar' ideologicheskikh i politicheskikh terminov sovetskogo perioda* [Monolingual dictionary of ideological and political terminology of the Soviet period]. 2nd edition, updated. Moscow, 2004. (In Russ.).